

Черный флаг над мировой оперой

Ушел великий Дмитрий Хворостовский

23 ноября 2017 «Новая газета», редакция

27 ноября в Концертном зале имени Чайковского певец планетарного масштаба соберет скорбный, прощальный аншлаг.

Два с половиной года выдающийся певец вел свой последний бой с убийственной болезнью — опухолью головного мозга. Осенью 2015-го, после вынужденной трехмесячной паузы, он триумфально вернулся на сцену, выступив в опере Верди «Трубадур» в нью-йоркской «Метрополитен». Тогда возникла надежда на чудо. Увы. 22 ноября его не стало.

Талант, родившийся «во глубине сибирских руд», открыла миру великая Ирина Архипова, у которой было чутье на истинные дарования.

25-летний парень из Красноярска сенсационно победил на конкурсе имени Глинки, два года спустя взял Гран-при на конкурсе Би-би-си. Красавец с седой копной волос с молодых лет, с лучезарной улыбкой, с чудодейственным голосом влюбил в себя миллионы.

«В детстве мое сознание упорно рисовало мне одни и те же параллели: вот я и Паваротти, вот я и Доминго», — вспоминал Дмитрий Хворостовский в одном из многих интервью, что посчастливилось мне записать с ним. — И никаких иных вариантов! Когда я начинал петь, я был совершенно сумасшедшим. Меня ничто и никогда не могло остановить. Пел целыми днями. Меня мама звала Петушок. Я этим бредил, с ума сходил от огромного желания кем-то стать, состояться в жизни. Доказать всем и прежде всего своим родителям, что я чего-то стою. Я хотел петь на больших сценах. Единственное, наверное, о чем я даже не мог мечтать, — о таком колоссальном признании и любви публики. Я не мечтал быть едва ли не героем страны. Я просто не знал, что это такое».

Дмитрия Хворостовского полюбили не только искушенные меломаны, но и люди, очень далекие от оперного искусства. Это произошло в тот момент, когда в 2003-м он без плакатного натиска, с обнаженной душой исполнил наши главные песни о самой страшной войне XX века.

«Петь перед ветеранами, — признавался Хворостовский — крайне ответственно. Они слушают со слезами на глазах, потом с комом в горле говорят, что концерт продлил им жизнь на несколько лет, — такое забыть невозможно. Иногда мне даже кажется, что мой диск военных песен должен продаваться, наверное, на пару с бутылкой водки».

Он казался баловнем судьбы: его родным театрами были лучшие оперные дома мира — «Метрополитен-опера», Венская государственная опера и, конечно, лондонский Ковент-Гарден. В Лондоне, который он любил, где прожил больше двадцати лет, родились все четверо его детей — близнецы Данила и Александра, Максим и Ниночка, которой сегодня лишь десять лет. Беспрецедентный случай: в связи с кончиной Дмитрия Хворостовского посольство России в Великобритании открыло книгу соболезнований. Венская опера подняла черный флаг, «Метрополитен» объявила, что четыре ближайших исполнения «Реквиема» Верди посвящены памяти великого русского певца, британская Королевская опера посвящает Хворостовскому премьеру «Риголетто».

Вердиевские герои Хворостовского — Симон Бокканегра в одноименной опере, Родриго в «Дон Карлосе», Жермон в «Травиате», Ренато в «Бале-маскараде», граф Ди Луна в «Трубадуре» и, конечно, Риголетто, оставляли незабываемое впечатление. Как и Елецкий в «Пиковой даме», и главная партия русских баритонов — Евгений Онегин. Дмитрий Хворостовский пел, не красуясь, страстно, музыкально. И полушутя рассказывал: «Злодеев играть захватывающе интересно. Делаю это с упоением. Это прекрасная возможность дать выход низменным порывам. Ведь в каждом человеке и злодейства, и властолюбия немало. По большому счету всю жизнь только тем и

занимаешься, что душишь, давишь в себе это на корню. А здесь ты, как павлин, раскрываешься. И потом снова становишься добрым и пушистым».

«Я идеалист, хочу заставить толпы людей таким же экзальтированным образом бесноваться, реагируя на оперу, как это происходит на всяких популярных шоу. Этого пока, к сожалению, не происходит, так как сегодня мало кто в мире хочет постигать суть вещей и культуру. Люди стали кичиться своей необразованностью, нежеланием узнать что-то новое. Но я уверен: надо искать неожиданные ходы, чтобы пробуждать интерес людей к искусству».

Россия, в отличие от Европы и Америки, знала Дмитрия Хворостовского лишь по концертам, которые с невероятной душевной щедростью он давал на родине. Дома его практически не слышали и не видели на оперной сцене. Лишь три оперы в Москве: «Евгений Онегин» весной 1989-го на сцене Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, в декабре 2000-го — «Риголетто» в «Новой опере», в начале 2015-го — «Демон» Рубинштейна вместе с театром «Геликон» в постановке Дмитрия Бертмана. Два Дмитрия Александровича дружили. Вместе мечтали о том, как их «Демон» весной 2018-го прилетит в Барселону. Но год назад певец официально объявил о том, что из-за болезни вынужден отказаться от выступлений в театре: «В опере я больше не пою. Буду петь только концерты. Я осознал, что до болезни практически никогда не страдал по большому счету. Надеюсь, это испытание сделает и меня, и мой окружающий мир лучше, яснее, понятнее: жизненные ценности кристаллизуются. Я хотел бы сказать, что Господь Бог ведет нас по жизненным виражам, но я в него не верю. Господь Бог не может знать и думать о каждом из нас. Мы сами себе предоставлены. Я уверен: загробной жизни нет и не может быть. Нам дается только одна жизнь, которую мы должны прожить без черновиков, с первой попытки, пытаюсь оставить след и быть счастливыми. Потом у тебя не будет никакого шанса».

В это до сих пор невозможно поверить, но очевидно: сколь великим талантом и феноменальным голосом, ставшим достоянием мирового искусства, одарила Дмитрия Хворостовского природа, столь жестокое и беспощадное испытание приготовила ему судьба. И трагедия его оперных образов стала реальностью его жизни.

«Я заметил, — размышлял Дмитрий Хворостовский в одном из наших последних разговоров, — что чувство страха в таких обстоятельствах полностью атрофируется. Приходит понимание того, что никто тебе не поможет. Лишь ты сам. И главное, не дать слабину. Только воля и терпение — твои верные союзники. У меня была потрясающая карьера. Мой голос — это часть меня, часть дела, которому я служу. Огромного дела, которое меня спасает, без которого я не могу жить. Но в любом случае, понимаю, главное уже позади: молодость, лучший голос. Что делать? Но я продолжаю биться с болезнью и надеяться. «Надежда» для меня сейчас самое насущное слово! Я всегда вел и веду исключительно честную игру с жизнью. Ставка сейчас слишком высока. Ничего не загадываю. По сравнению с тем, что мне приходится переживать, прочие житейские неурядицы — полная ерунда. Многие из

того, что меня раньше бесило, с чем не мог мириться до болезни, сегодня не имеет совершенно никакого значения».

Дмитрий Хворостовский знал, что в апреле нынешнего года на гала-концерте в Нью-Йорке прощается со своей публикой в «Метрополитен», в мае — с Петербургом, в июне — с Красноярском. Он надеялся, что сможет спеть предновогодний концерт в Москве. Но последний раз он вышел на сцену 23 июня на австрийском фестивале Grafenegg — был концерт в рамках знаменитого проекта «Дмитрий Хворостовский и друзья», где он пел вместе со своими прославленными коллегами.

По природе он был закрытым человеком. Как никто другой, знал, что такое публичное одиночество. Тем прискорбнее видеть, как в многочисленных ток-шоу — крупным и мелким оптом самопиарятся новоявленные его «друзья». Куда честнее певца планетарного масштаба Дмитрия Хворостовского помянуть не пошловатыми светскими пересудами в рейтинговом формате нашего ТВ, а слушая его фантастический голос.

10 ноября, когда смерть все крепче сжимала певца в своих объятиях, вышел диск «Риголетто», которого Дмитрий очень ждал, понимая, что это его последняя запись: «Это эпохальная работа. Сейчас, в моем положении, я уже никогда так не спою. Быть может, никто так не споет. Получилась изумительная запись. Все певцы специально ради меня прилетали между спектаклями на звукозаписывающие сессии. За что я всем своим коллегам благодарен».

Выдающегося певца не стало ранним утром 22 ноября в одной из лондонских клиник в возрасте 55 лет. Согласно его завещанию после церемонии прощания его тело будет кремировано. Прах будет захоронен в Москве на Новодевичьем кладбище и в его родном Красноярске.

Последние дни были столь тяжкими, что Дмитрий просил родных и близких: «Отпустите меня!»

Мария Бабалова — специально для «Новой»